

[Здесь представлена информация на основе показаний журналистки].

Старый щелкает выключателем, и старая лампа накаливания включается с резким треском. Я на мгновение прищурился от яркого света и оглядел место, где стоял. Это полуразрушенное здание на окраине города.

Изначально оно должно было стать жилым кварталом, но из-за сокращения Стены оно оказалось необитаемым и заброшенным. Конечно, оно не находилось за стеной, поэтому время от времени здесь оставались следы приходящих и уходящих людей, но сегодня никто не придет.

Медленно поднял голову и обратился к старику.

— Заходим.

В центре здания стояло небольшое кресло и стол, а за ним сидела дрожащая женщина, глаза ее были закрыты тканью, а руки скованы наручниками. Я попросил старика расстегнуть наручники, одолженные на время у детектива Канга. Старый на мгновение посмотрел на меня, словно спрашивая, действительно ли хочу это сделать, и я снова кивнул.

Наручники снялись с железным лязгом, и старая ткань, закрывавшая глаза, легла на пыльный стол вместе с наручниками. Теперь ее ничто не связывало.

Старая лампа накаливания мерцает и мерцает, и женщина, которая некоторое время была без сознания, поднимает бледное лицо и смотрит мне в глаза. В ее выражении лица и в глазах не страх и ужас, что я разорву ее на части, а глубокое чувство вины и отчаяние.

— Ты ела? — спросил я.

Пока она находилась под моей опекой, не было никаких издевательств или пыток, только кормление и теплое место для сна, потому что информация, которую я собрал из предметов, изъятых у этих людей, говорит мне, что она не преступница, а несчастная жертва, попавшая сюда по воле обстоятельств. Она не протестует и не лжет, а просто молча смотрит на меня.

— Да...

На мгновение она колеблется и опускает глаза и судорожно кивает. В ее тоне я улавливаю желание сотрудничать.

По моей просьбе Старый беседовал с ней полдня назад. Он ничего не спрашивал, а просто ввел журналистку в сложившуюся здесь ситуацию, ведь она наверняка была удивлена, увидев такое большое человеческое убежище там, где, как она думала, нет живых.

Здесь нет ни солдат, ни правительства. Только выжившие. Жаль, что она не знает, сколько людей погибло, ценой своей жизни защищая это место.

— Мне очень жаль. Я...я действительно ничего не знала.

Она все время извинялась, словно сама виновата в случившемся. Было ли ей на самом деле жаль? Или стыдилась саму себя за то, что не знала, в каком отчаянии живут здесь люди. Я лишь кивнул напряженно, не до конца понимая, искренность это или лицемерие.

— Я надеюсь, ты все расскажешь.

Быть свидетелем и соучастником — разные вещи. Журналистка с оператором пришли сюда, чтобы узнать правду, и хотя путь был тернист, правду она все же нашла. Теперь и нам предстояло найти свою,однако, мне не нравится слово "допрос", больше склоняюсь к сотрудничеству.

Женщина снова кивнула на мои слова.

Чувствую себя так, будто передо мной зажженная бомба. Старик, наблюдавший за тем, как я подхожу к столу, еще раз оглядывается по сторонам, чтобы проверить, не проходит ли кто мимо, и вскоре тоже подходит. В его глазах появляется напряжение, и мое сердце начинает биться как сумасшедшее. Огромная правда, тайна, с которой придется столкнуться. Я поворачиваюсь к ней, крепко сжимая руки, которые слегка подрагивают.

— Это теперь Зона отчуждения?

— Да... — тихо ответила девушка, а по ее щеке скатилась слезинка.

Мое бешено бьющееся сердце пропустило удар, а Старый ударил рукой по столу. Пыль разлетелась в воздухе, словно олицетворяя нашу подавленность, а руки старика начали дрожать.

Не может быть. Я даже отрицал это. Но информация, которую мы получили, и единственный ответ, который слышали от нее, в конце концов разрушают эти отрицания.

— Это безумие! В Сеуле столько народу!!!

Голос старика возвышается в гневе, он ругается в пустоту, и женщина вздрагивает от удивления. Но вместо того, чтобы остановить его, я слегка киваю в знак согласия.

Пятая часть населения Южной Кореи живет в Сеуле. Нелогично, чтобы правительство, если оно еще существует, так просто отказалось от всего населения и промышленных объектов

Сеула. Но именно ее дрожащий от волнения голос ответил на этот вопрос.

— Н-ну, это не весь Сеул! Всего несколько районов и часть провинции Кёнгидо.

Я поспешно достал карту и положил ее на середину пыльного стола. Протянул девушке ручку, чтобы она отметила районы. Она сначала замешкалась, но потом, встретив мой пристальный взгляд, успокоилась и стала медленно рисовать линию.

По мере нанесения линий мое сердце и руки дрожали все сильнее, и я даже не мог закрыть глаза. Серый Город, в котором мы живем, город, который я с таким трудом преодолевал, зажат в нарисованных линиях, и к тому времени, как она отпускает ручку, густая слюна стекает мне в горло.

Мы со стариком одновременно вздохнули. Старый откинулся в кресле и заговорил пустым голосом.

— Это прямо в центре...

В радиус входили некоторые районы выше реки Хан и ниже, кроме запада и востока. Также часть Сеула и некоторые прилегающие районы провинции Кёнгидо, а Эдем и Донг, где мы сейчас, находились в центре этих районов. Прямо посреди Апокалипсиса.

Что же мы сделали такого плохого, что Бог устроил нам такое испытание? Я выдохнул в отчаянии, когда мы откинулись в креслах и замолчали.

Я не мог вымолвить ни слова, потому что правда, с которой я столкнулся, была настолько шокирующей, что я не знал, что делать. Старый повернулся к женщине, которая сидела, опустив голову, и спросил сухо.

— А правительство?

Твари и их разновидности не могут сравниться с теми из нас, у кого есть оружие. Конечно, их численность заставила нас построить эти барьеры, но я и подумать не мог, что обычная вооруженная дивизия не смогла с ними справиться. Катастрофа в нескольких районах, а не на всем полуострове, странно, что правительство не смогло прислать достаточно войск, чтобы предотвратить полное уничтожение.

Но, не видя нормальной армии, не говоря уже о спасательных операциях, мы могли только предполагать, что мир катится к чертям собачьим. Женщина прочистила горло и ответила на вопрос голосом, который был еще более дрожащим, чем раньше.

— Сначала правительство заявило, что была проведена массовая эвакуация, и многие выжившие спаслись. Но потом стали появляться странные данные о количестве погибших, а

многие эвакуированные стали говорить, что сообщения о том, что им всем удалось спастись — ложь.

В этот момент в моей голове промелькнуло воспоминание. Что-то похожее говорили Ли Хё Ин и Джинсу, когда мы сидели в бытовке на стройплощадке. Они тоже некоторое время жили в каком-то правительственном приюте, пока твари на них не напали.

А еще вспомнил другое. День, когда я получил свой первый пистолет. Внизу, у горы, солдаты на армейских грузовиках пытались спастись от тварей, выглядя так, будто им нужно было куда-то попасть... Будто они провалили миссию.

— Компьютерные системы вышли из строя, школы были закрыты, все резервы были призваны, а затем внезапно ввели военное положение, средства массовой информации взяли под контроль...а все эвакуированные, которые говорили о лжи, исчезали один за другим.

Ее слова и воспоминания подбрасывали мне подсказки, которые были близки к истине. Паззл стал собираться. С ее губ сорвался вздох, и я смог прийти к единственному факту.

Правительство провалило спасательную операцию.

— И только через день мы поняли, что это происходит по всему миру: сначала Китай, потом Россия, а потом США объявили военное положение, и мы догадывались, что у них еще хуже. ООН была парализована, а мы думали, что успешно защитили Южную Корею, но....люди беспокоились о другом.

— Северная Корея, — коротко бросил Старый.

Женщина тяжело сглотнула и кивнула, ее лицо стало мрачным.

Большинство южнокорейских мужчин идут в армию и проводят два года в боевой подготовке. Но это не простое дело — дать большинству граждан мужского пола оружие и форму, и они станут солдатами. Думаю, именно поэтому нам удалось обезопасить регион и не дать тварям распространиться, потому что у нас было преимущество и система сильных вооруженных сил.

То же самое можно сказать и о Северной Корее, которая находилась в состоянии перемирия с нами.

— Твари стали проявлять повышенную активность, и северокорейские солдаты в ДМЗ* стали исчезать один за другим. Эксперты думали, что в Северной Корее такие же проблемы, но американские спутники показали, что...

Она замолчала, смачивая слюной пересохшее горло. Я слушал, завороченный, а затем продолжил с того места, где она остановилась.

— ...они сумели тварей подавить.

Это же Северная Корея, в конце концов. Военное положение? Спасательные операции? Ни в коем случае. Здравый смысл никак не мог работать в месте, где даже режим не был нормальным. Можно разбомбить это место, можно бросить туда солдат и раздавить тварей, независимо от того, есть жертвы или нет. Неважно, какие жертвы и потери были принесены, потому что это не было заразно. Даже если были обиды, не было тех, кто могли бы их высказать.

Правительство должно было нервничать. Поскольку центр Сеула занят тварями, жизнь парализована, а международное сообщество, которое должно повлиять на них, было в затруднении. А по другую сторону демилитаризованной границы находилась Северная Корея, которая перевооружалась быстрее, чем твари, и люди не знали, когда многочисленные артиллерийские орудия будут направлены на нас.

Для Корейского полуострова наступили темные времена, и правительство начало скрывать хаос, опасаясь бури, которая может разразиться в любой момент.

Это не был сценарий уничтожения человечества третьей стороной. Это был акт, оставивший небольшую брешь в хрупкой плотине, которая грозила взорваться в любой момент. А мы остались в центре событий, страдая без всякой причины. Я беспомощно откинулся в кресле и медленно закрыл глаза.

После допроса проводили женщину в ее временный ночлег и отправились под пронизывающим ветром обратно домой. Вернувшись, я обнаружил, что ребята уже спят. Тихонько зайдя комнату, увидел спящую Че Ён. Осторожно улёгся рядом, глядя на девочку.

Должно быть, во сне она почувствовала мое присутствие, потому что захихикала, а вскоре обхватила меня руками за талию и крепко обняла. Но я не мог улыбнуться. Состояние такое, будто в любой момент могу разразиться слезами, а лицо подергивается, словно вот-вот начнется паническая атака. Я испустил долгий, медленный вздох, прижавшись к ней лицом.

Я бы встретился с журналисткой снова на рассвете и разработал какой-то план. Конечно, стоило рассказать своим людям и жителям Эдема всю правду. У меня болела голова, и я не мог уснуть. Беспомощно закрыл глаза, боясь надвигающейся бури.

Похоже, сегодня не увижу звездное море, где плавают Че Ён и киты.

* ДМЗ (демилитаризованная зона) — граница между Северной и Южной Кореей, разделяющая

полуостров примерно пополам. Была создана в качестве буферной зоны между странами в соответствии с положениями Корейского соглашения о перемирии 1953 года. От нее до Сеула всего 40 километров.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4870209>